

Людмила
ГУРЧЕНКО

КУПАНЬЕ КРАСНОГО КОНЯ

особенно рубрику «Сделай сам». Вот и весь интеллектуальный запас, который пришел со стороны. Остальное — все свое, неповторимое — от природы. Как же он призывал меня «грызть етый проклятый гранит науки». Он как никто знал, как же ему не хватало этого в жизни! У меня же к учебе не было особого рвения. И даже при всем моем стремлении выделиться я, как ни странно, не испытывала никакого восторга за полученную пятерку. Училась честно, без взлетов и драм, спотыкалась и поднималась — как все. Только рьяно отсчитывала — когда же кончится последний, десятый класс? И я стану артисткой! Но все же в душе мучилась и стыдилась, если получала плохую отметку. И вот пришло время: мы все трое — папа, мама и я — вниманием и любовью окружили «нашага единственнага ребенка» — Машеньку. Все десять лет учебы моей дочери я, не подавая вида, ей искренне сочувствовала. В нашей семье, если мы находились все рядом, наша Маша — абсолютное ипородное существо: черноглазое, с нежно-розовым лицом инфанти восьмнадцатого века. Ей бы носить пышные балльные платья с кринолинами, ездить на светские балы в каретах. Это было просто написано с детства на ее лице. Рядом с ней мы с папой и мамой выглядели милыми сероглазыми русскими крепостными. Но родилась она в двадцатом веке. Так что пляши под дудку своего времени. Учеба — и моя Маша... Тут даже мой папа растерянно разводил руками: «Лель, а мож, бог даст, девычка ще перерастеть, а?» «Когда же тут перерастать, Марк, котик, ведь уже седьмой класс». Когда открывались тетради и дневники, где стояли жирные отметки, колющие в самую середину родительского сердца, мы переводили испуганный и беспомощный взгляд на это небесное лицо — о, более очаровательного, безмятежного и женственного безразличия нельзя было себе и представить! С каким облегчением мы вздохнули, когда она наконец-то отучилась и, сияющая, принесла нам свой аттестат, в котором мы любовались тремя пятерками: по физкультуре, поведению и гражданской обороне.

ладно, не буду вылезать, промолчу. А внутри вдруг: а как же Он? И... иду напролом.

На выставке «Москва — Париж» я перво-наперво бросилась к Маяковскому: как поднимешься по главной лестнице Пушкинского музея — направо. Его фотографии, его первые прижизненные издания... Лежат, родные, только полиняли от времени, да корешки пообтрепались. Ну что за лицо! Сколько экспрессии, вызова и нежности. Я пошла по залам музея. В душе боялась, что французы нас задавят — Пикассо, Ренуар, Матисс, Гоген... Э, нет! Нет, куда там! Все это, оказывается, начиналось у нас. А сколько имен вообще неизвестно широкому зрителю! Филонов? Я его вообще впервые вижу. Ах, какая во мне бушевала гордость! Я иду — и все ах да ах, как дамочка из драмы Островского. Ах, Нико Пироманишвили! Ах, архитекторы двадцатых! Ах, фотографии Ш-йхета! А-ах, Петров-Водкин! Так вот он какой — «Красный конь»! Ну наконец-то я тебя увидела живьем. Я, завороченная, стояла и смотрела во все глаза на это полотно. Если бы тонкие ценители и знатоки услышали тогда мои мысли, я бы им показала не-

и сильно обхватывает худыми ногами неоперившийся седок красивого, сильного и надежного коня! Вот это — моя земля. Моя опора. Она вливает в меня могучие сверхсилы. Когда я чувствую ее, я с удовольствием любуюсь и восхищаюсь красными пляшущими человечками...

Хотела сказать, что была несказанно счастлива, когда сняла угол у хозяйки на Тверской-Ямской, около любимой площади... а «заехала» аж вон куда!.. Ой, меня, кажется, опять ведет. Сейчас «заеду» в свою родную школу. Ну вот, я уже в своем классе, уже улыбаюсь, слушая, как учительница нам объясняет: «Циею картыною валький французский художник Анры Матисс хотив высмийаты на увесь свит багтийв. Вив образно показуе розпад и гныльист буржуазного суспильства. Запамьяталы, диты? А образом цыого Червоного коня з хлопчыком на спыни...» При этом учительница ни в коем случае не назвала бы мальчика голым, а при имени художника четко произнесла бы только первую часть фамилии — Петров. В то время само слово «водка» в школе... А тем более фамилия «Водкин», да еще фамилия художника, — та по ж це за художник а

ивной, глупой и ограниченной. Они бы насмеялись надо мной. Я слышала, как голос актера Столярова из детского фильма-сказки спрашивал меня: «Что на свете тебе всего милее: жизнь или...», и я отвечала ему: «Мне на свете всего милее и дороже — «Купанье Красного коня». Без «Красного коня» нет моей семьи, нет моей профессии, нет Маяковского, нет меня. Тогда я... я задыхаюсь.

Двадцатые годы двух государств. В голову лезет привычное, банальное — «два лагеря», «два мира». Но вот я смотрю — Матисс, «Пляшущие красные человечки». И Петров-Водкин — «Купанье Красного коня». И годы те же — двадцатые. И цвет один — красный. Но бог ты ж мой, какие разные эти «красные»! Пляшут в хороводе ирреальные красные человеческие фигурки. В них загадка, тайна, экспрессия, изысканная символика. Своя, какая-то именно своя, особенная жизнь... На меня эта картина всегда действует очень эмоционально. Она возбуждает мою фантазию, помогает мне расправиться от внутреннего зажима. Но... как бы это сформулировать... Ну... что ли... вот своего места в этой загадочной, тайной экспрессивной жизни я не вижу, не ощущаю, даже в самых иллюзорных мечтах. Вроде как совсем другая планета. А вот эта планета — «Красный конь» — моя! В ней я вижу и клеверное поле, где заснул мальчик-братрак. А лошади пошли в клевер. А помещик, проезжая, разбудил спящего мальчика ударом хлыста. Этот мальчик... мой папа. И вот он сидит, сидит уверенно на Красном коне. И ему столько же лет, сколько и юной Республике Советов. Но как уверенно

таким призывцем?!» А мы и не знали фамилии Шишкина, Репина, Айвазовского, Васнецова...

Школа... Родная школа. Самая счастливая пора. Конечно, десять самых беззаботных лет! Беззаботных? А учеба? В нашей семье — четыре поколения. Папа начал учиться в 1905-м, мама — в 1920, я — в 1943-м, а наша Машенька — в 1966 году. Влестяще и по всем предметам училась только моя мама. Неизвестно, как бы сложилась ее жизнь и во что вылились ее блестящие способности, если бы не встреча с папой. Мама всегда с иронией смотрела на нашу троицу — папу, меня и Машеньку — и любила повторять: «Это у вас, милые мои, все от вашего папочки». Это уж точно. Школьная учеба никогда не была нашей стихией. Из четырех лет сельской церковно-приходской школы папа вышел в жизнь, зная в общих чертах лишь закон божий да страх перед попом, который хлестал линейкой деревенских ребят, да еще басню Крылова: «Рак пятится назад, а щука тянит у воду... И сквозь зилезо твонять (из кожи лезут вон), а воз усе не тходить...»

«Марк, котик, ты хоть сам понимаешь, что ты несешь?» «Лель, да я и у глаза етый басни не видов. Мы хорум усе за учительскую повторяли... А бог его знает, што там и як было на самом деле. В нас же книжек не було... И не нада меня, детка, копировать, богом тебя прошу...»

Всю жизнь он страстно любил читать сказки. А в молодости «з шахтерскую братвою одолев самую толстую на тое время книгу — «Американскую трагедию». В старости с рвением читал газеты и журнал «Наука и жизнь»,

Новая книга замечательной советской актрисы Людмилы Гурченко называется «Аплодисменты». По собственному признанию автора, они обращены к тем зрителям-читателям, чей искренний интерес и повесть «Мое взрослое детство» как бы подвинул артистку вновь взяться за перо. Вместе с тем в названии данной работы проглядывает и более глубокий смысл — перед нами не просто рассказ о различных этапах творческого пути, но выстраданное и личным опытом подкрепленное размышление о природе успеха и славы, о мужестве, необходимом художнику не только в часы вероятных поражений, но и в дни, казалось бы, беспорных побед.

Полностью «Аплодисменты» будут опубликованы в журнале «Наш современник»

Душу мою затронули три поэта: Пушкин, Маяковский и Твардовский. Читать стихи вслух я не люблю и не умею. Когда читают другие, быстро устаю. За очень редким исключением. Может, было такое время, такое воспитание, но Блок, Есенин, Пастернак, Ахматова, Цветаева ко мне пришли значительно позже. Меня же с детства тянуло и необычному, экстраординарному. И поэзия во мне долго спала вечным сном, как царевна в «Семи богатырях». Как вдруг: «Строит, крушит, кроит и рвет, тихнет, кипит и пенится. Гудит, говорит, молчит и ревет...»; «Я достаю из широких штанин дубликатом бесценного груза...»; «Сами знаете, какие теперь люди, — изжаришь, так его и незаметно на блюде...»; «Потолок пошел на нас снижаться вороном, опустили головы — еще нагни. Задрожали вдруг и стали черными люстр расплывшиеся огни. Захлебнулся колокольчика ненужный шелк...»

За что же на меня такое свалилось? Открытие Маяковского меня перевернуло! Мне двенадцать лет, а я с упоением читаю: «Что в кармане по дыре, что дерусь я во дворе, и поэтому я должен позабыть о снегире...»; «А что болтуныя Лида, мол, так это Вовка выдумал. А болтать-то мне когда? Мне болтать-то некогда. Драмкружок, кружок по фото, хоркружок, мне петь охота. За кружок по рисованию тоже все голосовали». Война, голод, лишения, смерти и... запоздалое интеллектуальное «взрослое детство». А как начался для меня Маяковский... Даже вспомнить стыдно. В санаторий на Чайковского, где работали папа и мама, к празднику 7 ноября меня заставили выучить отрывок из поэмы «Владимир Ильич Ленин». Именно заставили. Выучить стихотворение для меня было пыткой. А когда я увидела страничку с разбросанными вкряки и вкось словами, я подумала: ну и стишки! И в столбик не собираются. И началось...

Все, все, все, ну все в этом человеке мое! Ах ты боже ж мой! Как же ему было тяжело! Все сломать, всех зажечь и поднять над всеми, как кустодиевский «Большевик». Так почувствовать эпоху, время и так мощно «прорвать стихом громаду лет». Тогда в моей детской жизни произошел большой духовный скачок. Я не увлекаюсь чтением теоретических трактатов о поэтах, писателях, как-то нервничаю, если превозносят того, которого я не чувствую. Злюсь на себя, почему именно его чувствую, а я, наверное, тупая и темная, и меня это не трогает. Но Маяковский для меня — Свет! По всем законам нашей семьи, он был именно тем, кто «выделился». Я его полюбила глубоко и преданно. Я собирала фотографии Маяковского, интересовалась всеми перипетиями его недолгой жизни. Мне перестали нравиться смазливые экранные герои. Я страдала, что повзрослела. Я бы сделала все, чтобы стать ему необходимой. Он бы меня непременно полюбил. И в самые трудные минуты я была бы рядом с ним. Всю жизнь Маяковский был для меня мерилом, барометром, если нужно было сделать что-то вопреки привычному течению. А ведь все «вопреки» испокон веков принимается в штыхи. Иногда вот так сижу и думаю:

Не так давно ей повался мой пожеланный аттестат зрелости на украинском языке. Смеялась она до слез: «Ну, милые, что ж вы из меня кровь пили все десять лет?! Ты так со мной говорила, мам, я была уверена, что у тебя минимум серебро. Ну, мамочка, ты меня, родненькая, прямо «на лупаты», прямо «налувал»...»

«Знаешь, Маша, ты не права. Мы ведь все хотели тебе как лучше. Как ты видишь, твоей маме пятерки были не нужны», — теряя юмор, последнее время все чаще и чаще защищала меня мама. Папы уже нет. Жизнерадостная, сильная, дипломатичная, мама потихоньку ослабевает, «расходятся швы». Дочь моя медленно, но набирает силы. Сегодня я еще держусь, а завтра? А завтра — посмотрим, что будет завтра.

Нет, в жизни самая беспечная и счастливая пора — институт. Не знаю, как бы это объяснил другой человек, с другим характером, а по мне... Никаких домашних заданий на каждый день. Ну никак! Поначалу я испытывала даже страх: как же это так! Но к таким новостям привыкаешь моментально. Экзамены — в конце семестра, аж через полгода! Хочешь — конспектируй мысли педагога, а хочешь — не конспектируй. Сиди на лекции, делай умный вид, преданно гляди учителю в глаза, а мыслями лети себе куда хочешь, в любую сторону. И жди занятий по главным предметам. А главные — с, господи, уже радостное возбуждение только от одних названий: танец, занятия по музыке, пению, по технике движения и акробатике, пантомиме и гимнастике, истории советского и зарубежного кино. И еще один предмет — музыка в кино. Нет, вы только вздумайте — музыка в кино! А встречи с нашим мастером Сергеем Аполлинарьевичем Герасимовым по актерскому мастерству! Его лекции — это каждый раз ожидание события и обязательно новый рыбок в освоении профессии...

Так разве нам, пятнадцати юношам и девушкам, приехавшим из разных концов страны, не исключительно повезло? О! О! И лучше не продолжать. Потому что все мы, пятнадцать человек, приехали с этим восторженным «О!». И оставались с открытым ртом в таком обалдевшем, экзальтированном состоянии довольно долго. Пока каждому в очень мягких тонах не намекнули на слабые места. После чего мы поотрезвели, замкнулись на своих недугах, сделали вывод и стали работать над собой...